

РЕГИНА ГРЁЗ

ВИКИНГ И ГОТЫ

Предания Дэриланд

Регина Грез

Ведунья и богатырь

«Автор»

2021

Грез Р.

Ведунья и богатырь / Р. Грез — «Автор», 2021 — (Предания Дэриланд)

Нечай спас в лесу молодую травницу, она залечила его рану и проводила в город. А после вызвалась вместе идти на опасное княжеское задание. По пути придется спросить совета у старого колдуна, которого земля не принимает, да оживить ладью, брошенную морскими разбойниками. Увлекательная история по мотивам народных сказок, чувственная романтика, городок над рекой, быт Древней Руси, хороший финал. Традиционный подход и новое прочтение известных преданий. Две любовные линии, гордый крылатый змей и строптивая княжна.

© Грез Р., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Регина Грез

Ведунья и богатырь

© Регина Грез, 2022

Глава 1

За дровами

Всего дорожке честь сытая да изба крытая

Когда размокшую глину на дорогах схватили первые морозы, а поля слегка присыпало снежком, названные братья отправили Нечая в лес за дровами. Лошаденку Ставр как нарочно самую ледащую в хозяйстве выбрал, знал, что Нечай сдюжит. Если понадобится, на своих плечах груз вывезет, не впервой.

Сила приемышу была дарована немеряная, и будто бы год от года все прибывала. Куда ж боле? И так голыми перстами железо гнет. Хорошо еще, нравом кроток, а после смерти матушки вовсе стал молчуном.

Все же побаивался Ставр названного меньшого братца, а ну как невесту найдет горластую и свою часть дома потребует, родительское добро делить заставит? Согнать бы Нечая со двора, да работник он уж больно толковый, пашет за семерых, ест за одного. Где еще такого сыскать...

И отец завещал приемыша не обижать, хотя строг бывал с Нечаем не в пример матушке. С опаской на него смотрел – чужое семя, неведомое племя, широк в плечах, легок в шаге, волосом и лицом светел, а в глазах озерная синева плещется – прозрачная, но тронутая осенним холодком.

Прочие селяне были и ростом ниже и телом жиже, чернявы и суетливы. Нечай среди них как молодой дубок в окружении корявых осинок. Крепко в землю упирался и тянулся могучим стволом вверх. Недаром лес очень любил и поле, будто тесно ему приходилось в дому, где хозяйничали после смерти родителей женатые братья – жадные и завистливые.

Вот и за дровами Нечай с охоткой пошел без подмоги. Завернул в тряпицу ржаного хлеба ломоть, подкормить лебедей. В прошлый раз на запруде у мельницы увидел Нечай стаю, отдыхающую перед долгим перелетом, а чуть поодаль беспокойного лебедя, – тоскливо клонил он гордую голову на гибкой шее, метался у берега, кого-то безгласно звал. Может, пару его охотники подстрелили...

Немного не добравшись до знакомой вырубki, Нечай привязал лошадь к старой березе и побежал с пригорка к воде, уже схваченной тонкой ледяной коркой. В широкой полынье плавал тот самый лебедь – один остался, вроде бы крылья целы, а вместе со всеми почему-то не улетел.

– Меня дожидаясь, – с улыбкой прошептал Нечай, доставая из-за пазухи хлеб. – Э-э, да ты у нас лебедушка молоденькая, не бойсь, плыви ближе, жаль, пояса заветного я не надел, а то услышал бы о твоей беде, может, чем пособил. Я ведь тоже один на свете маюсь, люди в поселке чураются, братья держат вместо рабочей скотины. Были бы у меня крылья, с тобой полетел, мир велик, говорят, много чудес таит...

Лебедушка чинно выслушала его речи, а после легко оторвалась от воды, крикнула жалобно и, сделав малый круг над запрудой, исчезла за лесистыми холмами. Долго Нечай вслед смотрел, пока ветер не бросил в лицо белое перышко, словно прощальный подарок с небес.

– И то ладно, что цела, догоняй своих, а я уж здесь как-нибудь...

Вздыхнул Нечай, перышко в заплечной суме спрятал и споро вернулся к смирной своей лошадке. Разгулялся осенний денек, шустрили в кронах белки, посвистывали синицы. Ватага дроздов с недовольными криками вырвалась из рябинника, слышав гиканье топора, которым Нечай рубил на жерди молодые озябшие березки.

А вот обратная дорога вышла нелегкой, – перестарался молодец, тяжело нагрузил возок. Жалея взмокшую Сивку, скормил ей остатки краюхи и на взгорке сам за оглобли взялся.

– Отдохни, родимая, годов в тебе накопилось много, а сила истаяла.

Подзадоривая скотину, Нечай беззлобно ворчал:

– Смотри, не отстань, старушка, а то волки съедят!

И вдруг впереди послышался дробный перестук копыт: вылетел из-за поворота резвый конь, а на нем статная всадница в парчовой шапочке с меховой опушкой.

Заметив Нечая, девушка туго натянула вожжи и рассмеялась, явив на румяных щеках лукавые ямочки, а после важно промолвила:

– Вот так диво! Впервой вижу, чтобы парня вместо лошади запрягали.

Горячий серый жеребчик нетерпеливо перебирал стройными ногами, грыз посеребренную узду, круто задира морду, торопя хозяйку продолжить лихую скачку. И чего молодая княжна к смерду пристала, мало других забот...

– Да ты понимаешь ли речь мою? – не унималась красавица. – Может, мне скорее твоя кобыла ответит, никак здесь она тобой правит?

– Езжай свои путем! – буркнул Нечай, потупившись от досады.

«Прилипла как банный лист, некогда мне лясы точить – ей забава, а меня дома с чурбаками ждут».

С натугой рванулся вперед Нечай и разорвал гужи, свалились оглобли на мерзлую землю.

– Ох, и силен! – искренне удивилась девушка, прикрыв зеленой бархатной рукавицей смеющийся рот. – Поди к батюшке в дружину, будешь в новой кольчуге ходить, сапоги выдадут из телячьей кожи, а то в поршнях-то несподручно в бою. Опять же востру саблю получишь, в гриднице столоваться будешь... или ты голыми руками драться приучен?

– Надо будет – управлюсь и батоном! – мрачно пообещал Нечай, тщетно пытаясь поднять глаза на знатную насмешницу. Лицо горело, как от братовой оплеухи в детстве.

– Только я больше к мирному ремеслу годен, чем к ратному делу. Пахарь я, могу в кузнице помогать, плотницкой работе обучен, лес знаю...

– На все руки мастер, – неожиданно похвалила девушка и тут же добродушно прибавила. – Не серчай, богатырь, я с измальства проказлива да смешлива. Только скоро кончится моя воля, батюшка сулит за нелюбого отдать, а мне бы другу милому переслать весточку. Может, сжалится да вызволит из беды... Скорей бы уже!

– Да ты никак от родичей удрала! – изумился Нечай.

– А пусть не страшат зря! Не то еще будет, скоро совсем из дому улечу, осталось верных крыльев дожидаться, – пригрозила красавица, наморщив чуть вздернутый кверху носик.

– Неужто в тереме княжеском такое худое житье? – невпопад спросил Нечай, растерявшись от резкой смены разговора.

– А ты как спознал, что я князя городецкого дочь? – распахнула она ясные очи, словно денежкой подарила.

– Наугад брякнул, – признался Нечай и густо залился краской.

Не то гнев сдавил грудь стальными оковами, не то глухая тоска. Пошутит с ним озорница и ускачет в свои хоромы, там дородные нянюшки с нее сафьяновы сапожки снимут, белое личико омоют да угостят медовыми орешками, а Нечаю еще воз до дома тянуть. И что хорошего дома ждет?

Как средний брат оженился, пришлось младшему перейти в холодную клеть, пока пристрой не готов. А в большой избе шум да чад, молодайки часто бранятся – дым коромыслом, дитя в зыбке кричит день и ночь, уж и бабушку – лекарку из Ощипок призывали, должна помочь.

«Уйти, что ли, и правда, в город... Может, хоть там долю свою найду».

– Ну, прощай, богатырь, не поминай лихом! А про встречу нашу не рассказывай никому. Будут вопрошать, прикинься глухим или еще лучше задержи погоню, – красавица стегнула коня шелковой плетью с золотой кисточкой на рукояти и умчалась прочь.

«Вот так приказ! Не взнузда, а понукать норовит... Еще и богатырем назвала, за какие ж заслуги?»

У Нечая сердце в груди зашлось, шаг ступит и перед глазами юное девичье лицо мерещится, словно солнышко промеж тучек светит. Оморочила девка, а что толку?

Легче зайца в чистом поле догнать, чем посвататься смерду к городецкой княжне. Батюшка ее больно лют, сказывают, такого не слезой, не лаской не растопишь – раз сыскал годного жениха, значит, быть свадьбе. А она к милому другу лететь собралась...

Прямо как та лебедушка белая. Ох и запала в душу перышком невесомым!

Себя не помня, прошел Нечай с полверсты и уже на виду селенья наехали на него ратники числом более десяти, главный среди них в бобровой шапке и черном плаще, подбитом волчьим мехом, на груди кольчужный броник тускло поблескивает. Принялся сотник спрашивать о пригожей девице на сером жеребце.

А когда Нечай молчком головой покрутил, мол, знать не знаю, ведать не ведаю про что речь, главный ближе подъехал и кнутовищем небрежно плечо задел.

– В глаза мне смотри, холоп! Узнаю, что лжу молвишь, насмерть запорю.

Взвизгнул кнут, мелькнула перед лицом оскаленная лошадиная морда в дорогой узде... «И животное сегодня надо мной потешается!» Как тут стерпишь? Нечай словно от страха качнулся назад, а потом пригнулся и вполсилы хватил чужого коня кулаком в бок.

«Лучше пусть сразу на копыта посадят, чем всю жизнь зваться смердом да лапотником! Только просто не дамся, я с собой еще семерых возьму, а свезет, так и всю дюжину зараз».

Бешено стиснув в мозолистых ладонях оглоблю, Нечай приготовился к первому и последнему смертному бою за свои неполные двадцать зим.

Жутко хрипел опрокинутый конь, дробно сучил поджарыми ногами. А под ним, силясь подняться, глухо стонал лежащий на мерзлой земле обидчик. Бобровая шапка слетела под ноги ратникам, которые копытами ошметинась, медленно окружали Нечая, зверскими взглядами обещающая всякие муки.

Неведомо, как завершилась бы эта свара, но сотник успел оклематься малехо, дыхание перевел и подал знак, что будет говорить.

– Не трожьте его! В час сечи ратной хотел бы я иметь такого молодца у себя за плечом. Пущай имя скажет – кто таков, какого рода, на чьем молоке вскормлен, раз могуч не по виду. Пойдешь в отроки ко мне – платой не обижу. Слово мое верное.

Разгоряченный предвкушением лютого побоища, Нечай только сердито сопел, надежнее упираясь в стылую землю. Мысли белками резвились под растрепанными вихрами.

«Видала бы княжна – похвалила, задержал я охотников, просьбу исполнил. Только к добру ли? Чего красивой девке в темном лесу искать? Не ровен час леший замает или недобрый люд перехватит, пропадет глупая».

Все же пришлось назваться и оглоблю из рук выпустить. Тогда и поведал городецкий сотник, что велено ему сыскать и вернуть в терем княжну Отраду – меньшую дочь, последнюю радость старого князя. Ясную звездочку на небе, белую уточку на тихом пруду.

– Отец ей добра желает, а она по полям да лугам привыкла скакать, золотой узды не признавая. Уж зима на носу, пора бы кобылке в теплое стойло, а то как бы на чужой аркан не нарваться.

У Нечая губы дрогнули и шея сама повернулась в сторону леса. Цепко взгляд молодца проследив, сотник довольно крикнул и махнул рукой.

– По коням, други, вернем нашу соколицу на яхонтовый шесток, послужим князю на славу!

А сам, прежде чем вернуться к побитому жеребцу, взял Нечая за отворот овечьего зипуна и грубо тряхнул.

– Не так бы я с тобой поступил, парень, да более всего почитаю в мужике силу и твердый хребет. У тебя, кажись, и то и другое в справе. Такие люди князю завсегда надобны и высоко стоят, если голова не совсем пустая. Нечего тебе по медвежьим урманам шастать, простишь по чести с отцом-матерью и завтра же ступай в Городец. Найдешь двор сотника Жмура – сам тебя учить буду.

Будто подтверждая свои слова, он резко ткнул Нечая кулаком пониже груди и приосанился, заметив, как тот скривился от боли.

– Мало силу медвежью иметь, надо ею еще толково распорядиться! На славу роду, на пользу мошне. Вымахал богатырь, а девки поди-ка бракуют... одежда рвань, крыша дрянь. В стылой избе любовный жар быстро выходит.

Всадники уже ускакали, а Нечай все катал в уме последние слова Жмура. И тут же невольно вспомнилась востроглазая Калинка – молодая соседка. Минувшим летом подстерег ее на бережке и хотел приобнять.

Она сперва не давалась, завлекала подальше в рощу, а там губы надула, ресницы опустила, но дозволила потискать тугую грудь. Когда же Нечай ниже полез, мятый подол сарафана одернула и ласково защebetала обидную потешку:

– Меня, миленький, не сватай, мой родитель больно крут – у тебя два старших брата, тебе избу не дадут.

А Нечай уже разохотился до женского тела, поднял зазнобу на сильные руки, закружил по поляне.

– Сам клети поставлю, распашу гари, заведу хозяйство – знать бы для кого! Дождешься меня, Калинушка?

– Обещаться не стану, прости, Нечай! Целоваться ты мастак, обнимаешь сладко, а живешь чужим умом, заездили тебя братья, век будешь у них холопствовать.

– Да почто же век... Чего баешь напраслину! Сперва я им подсоблю, а после они мне. Все у нас по старшинству и по правде, как батюшка наставлял.

Ответил так-то, а память жижей болотной подняла со дна давний день, когда Спирька – середняк еще сопливым юнцом кричал: «Не нашей ты крови, змееныш проклятый, уходи прочь!» Впрочем, было за что браниться, Нечай силу свою по младости не размерял, костяной бабкой названному братцу чуть глаз не вышиб в игре. Так ведь не со зла ж, ненароком.

А Калинка тогда в лесу прижалась к нему манким телом и зашептала прямо в ямочку под горлом:

– Правду молвят, что тебя малюткой из лесу змей крылатый принес и пояс заговоренный в корзинку на память о себе бросил? Оттого ты силен и красив стал... Мне-то пояс покажешь, точно ли он камнями дорогими усажен и в горнице от него ночами светло? Ежели парочку самоцветов продать, можно терем выстроить не хуже, чем у Сочня, который в Городце изрядно лисьими шкурами торгует.

Пропала у Нечая охота миловаться с Калинкой. Не было на его поясе узорочья ценного, совсем другой дар таился, а болтать о нем под каждой березой не следовало, только матушка знала да отец догадку имел.

Так что менять или продавать единственную тайную памятку Нечай вовсе не собирался, а мыслишки о своем доме с той поры как угольями душу жгли. И тут еще сотник городецкий жару подбавил.

Подходя к родной деревне, решил Нечай. «Мастеровым в Городце не прилажусь, пойду к сотнику на поклон, пусть берет в младшие кмети».

Глава 2

Лекарка

Рысым прыжком навалились на селище ранние сумерки. Нечай завел лошадь во двор под навес и первым делом отер ей тряпицей взмокшую морду. Пока распрягал, то и дело хозяйским взором оглядывал темную клеть избы, амбар на высоких столбах от прожорливых хорей и куниц, сараюшку и хлев, откуда доносилось густое мычание Дони.

«Чегой-то не встречает никто, даже Волчок в конурке затих. Ой, не к добру, все ли ладно в доме...»

Едва подумал, как из дальнего сенника послышался шум, тут же дверца широко распахнулась и вылетела оттуда простоволосая Веся – Спирькина жена, а за ней с утробным рыком и сам средний братец.

«Неужто опять взялся бабу плеткой учить! Ишь – рубаху порвал, раскровянил спину – чисто волчара...»

Нечай в сердцах даже рукавицы на дровни бросил и пошел заступаться. Суетливую болтушку Весю он втайне жалел, хоть была не сильна умом, быстро уставала – задыхалась на любой долгой работе, второй год не давал ей Род детушек. А прежде видная была плясунья на селе... Как одела замужний убор, отбегалась.

Но сейчас Спирька за женой едва поспевал, потому как висела на его правой руке незнакомая девка в мужских портах и короткой меховой кацавейке. Глухо страшала сквозь зубы:

– Уймись, стервец этакий! Будешь ни про что жену за косы таскать, наведу болячку, уд отсохнет!

Злая угроза Спирьку ненадолго остепенила, медленно опустил он занесенный кулак и только сердито проворчал:

– Чур меня! Чур... Тьфу, пакость... Ты лучше чрево ей укрепи, второй раз скинула, а мне надо сынов. На что в дому пустая баба? Другую возьму!

– Ты и другую забьешь, бревно осиновое! От тебя ей все беды, твое семя в утробе чахнет.

– Пошла вон, лешачиха! Не для того звали, чтобы порчу творила. Проваливай в свою заболотину!

Спирька еще раз грязно выругался, с силой отпихнул чужую девку и протянул костистую руку за плачущей Весей, но наткнулся на широкую грудь Нечая. Тот сурово промолвил, надвигаясь грозой:

– Не балуй, братец.

– А-а-а... Явился, отродье змеиное!

– Змеем меня зовешь, а сам шипишь, как ползучий гад.

– Почто не в свой огород лезешь? – взъярился Спирька.

Захлебывался лаем очнувшийся от дремы Волчок, блеяли в загоне потревоженные овцы, обиженно фыркала уставшая лошадь, ждала воды и сенца.

Нечай неспешно рукава засучил и потер меж собой обмерзшие ладони, на голову возвышаясь над плотным, кривоногим Спирькой. Значительно молвил:

– Значит, как тын городить, поле орать, да снопы возить – тут все общее, а когда ты на весь двор гостью лаешь и жену до крови забиваешь прилюдно, я молчать должен? Не будет боле такого!

Хлопнула дверь жилой избы, донесся до ушей пронзительный детский крик и визгливый голос Задоры – жены старшего брата.

– Пришла ведунья из Ощипок? С обеда ждем!

Спирька под ноги себе плюнул и хрипло бросил в ответ:

– Пришла-то пришла, да я бы к малому не подпустил. Зубастая сучка! Я бы в шею прогнал.

Нечай коротко проследил, как Веся бочком скрылась в дому и поворотился к хмурой девице, поправлявшей на плече суму, сплетенную из мягкого лыка. Лицо скрыто под суконным башлыком, только темная прядка волос наружу торчит.

– Тебя к нам прислали мальчонка лечить? Я думал, бабушка Белояра сама придет...

– Бабушку вчера схоронили. Я теперь за нее, – слышался резкий ответ.

– Ну, ступай за мной в дом.

А про себя подумал Нечай:

«Лесовичкой наряжена, не поймешь – баба али девка, кажись, не старше меня, а глядит сторожко, словно в рукаве нож прячет. И откуда взялась в Ощипках такая чернявая, там издавна все русы и ясноглазы водились. Как же она со Спирькой-то совладала... Смела!»

На пороге он вспомнил ее недавнюю угрозу, хохотнул про себя. «Нашла, чем мужика испугать! Здорово буяна окоротила».

И вдруг остро кольнуло грудь лебяжье перышко, заныла душа. Ждет с утра дорога дальняя, а Нечай еще родичей не предупредил, что уходит. Как-то Ставр воспримет известие...

В горнице стоял жар от печи, потрескивали березовые лучины, роняли искорки с поставца в колоду с водой, вкусно пахло ушицей и разваренной ржаной кашей. Веся уже успела одежду сменить, волосы под льняной плат собрала, склонилась в углу за ткацким станом, выглядывала оттуда испуганно – ни дать ни взять зайчиха под кустом от травли укрывалась.

Зато важно прохаживался по избе старший в роду – Ставр Будимыч, косился на жену, что оплывшей квашней сидела на лавке, держа на руках беспокойного младшенького. Нечай сбросил с себя зипун, сел на лавку и принялся развязывать бечеву на онучах, желая скорее разуться.

– Чего застыли? Встречайте лекарку, коли надобно.

Задора тяжело поднялась с места и, взглядевшись в чужую фигуру у дверей, сухо промолвила:

– Меньшой у меня животом скорбный, ежели умеешь – подсоби. Да назовись сперва, как тебя звать-величать.

– Неладой в народе кличут, а первое имя только родичи ведают, – звонко отвечала девушка, распахивая полушубок.

Под ним она оказалась тонка и стройна, как молодая липка, даже от волос ее собранных косами в тугой узел цвета спелых желудей, шел свежий лиственный запах. Нечай глаза прикрыл, раздувая ноздри, а перышко на груди еще большее кольнуло... Надо бы вынуть.

– Трудно к нам добиралась, поди... Садись вечерять, каша упрела, – проговорила Задора, выжидательно глянув на мужа. Лучше бы сам позвал гостью к столу.

– Добро! – наконец прогудел в медную бороду Ставр, запустив большие пальцы рук за веревочный пояс на просторной рубахе. – Только пусть сперва дело свое покажет.

Нелادا шагнула на светлую часть избы, поклонилась печи и хозяевам, а после омыла руки в долбленной осиновой чурке и вытерлась рушником, что безмолвно подала угодливая Веся.

Нечай аж шею вытянул, слушая, как лекарка раскладывает на столе снадобья и тихо приказывает Задоре:

– Углей из печи достань и кипятка приготовь, траву запаривать буду. Малого распеленай и так мокрый давно... А чем ты его мазала, что пупок в красном? Чудно...

Баба испуганно вытаращила глаза, руку к сердцу прижала, сразу во всем призналась:

– Котячьи муди на пороге резанули и кровь с приговором взяли – дитя от испугу править, вчера тетка Мошка подсказала.

– Вовсе нелепица, – усмехнулась Нелادا, поглаживая теплый младенческий животик. – И зачем страсти такие зазря над котом сотворили? Жив хоть остался, болезный?

– Да что ему сделается... Удрал под амбар, оттуда орал полдня, – сердито сообщил Ставр, снимая шапку с крючка. Не понравилось, как вольно держала себя ведунья.

Решив, что бабы в избе теперь сами управятся, хозяин побряхтел у дверей для порядку и убрался в сени, может, пошел Спирьку искать или еще по какой нужде.

Нечай же притулился к стене, уложив натруженные руки на коленях, любопытно было поглядеть, как знахарка из Ощипок дальше будет дитя лечить. Еще заметил, как вошла Нелада в горницу, малец хныкать потише стал. А как скоро поплыли по избе густые запахи душицы и корней могущника, у самого веки стали смыкаться.

На фоне темных рукавов, стянутых узорной тесьмой, белыми крыльями померещились проворные девичьи ладони – ласково разминали они каждый суставчик хвораго сынишки Ставра, оглаживали безволосую головушку, щекотали крохотные пальчики на желтоватых гладеньких ступнях.

Едва успокоенный младенец заснул, Нелада умело завернула его в пеленки и передала матери, вполголоса наказывая, как завтра давать целебный отвар.

Отогнав досадную дремоту, тут и Нечай решился заговорить с гостьей:

– Дозволь спросить, а ты бабушке Белояре не внучкой будешь?

– Так и есть. Еще в зыбке меня учить начала.

– А родители твои живы?

Вздыхнув, Нелада задержалась с ответом, но Задора по – хозяйски цыкнула, прижимая сынишку к пышной груди:

– Чего пристал не ко времени? Лучше старших со двора кликни, уха простывает.

В доме было заведено, что первыми за стол всегда садились мужчины. Наполнив миски до краев горячим варевом и нарезав хлеб, Веся отпросилась на свою половину, стыдась багрового синяка на лице. Задора уложила дитя и теперь шуршала у печи, разливая малиновый квас да прикидывая, чем завтра будет кормить мужа и деверей.

Хмурая Нелада сидела у печки, – тянула из глиняной крынки томленное молоко, отказавшись от каши и ухи.

– Можя окунька тебе из чугуна вынуть или ершишку? А то я за сальцем в нижнюю клеть сбегая... брусники моченой не подать ли... – в который раз предложила ей подобревшая Задора, уверившись в силе молодой гостьи. – Ночевать у нас ведь останешься, куда в ночь идти, до вашей-то деревни почитай более пяти верст через лес и реку.

– Останусь, – равнодушно кивнула ведунья и вдруг подняла карие глаза, перехватив внимательный взгляд Нечая. Заметив его румянец, усмехнулась уголками губ, игриво взмахнула длинными ресницами.

Тот аж куском подавился, рот кулаком зажал и выскочил из-за стола.

– Благодарствую за угощенье! Кха... кха... Скотину проверю и к себе отдыхать пойду.

«Придется сурьезный разговор с братьями на зорю перенести, а то пойдут склоки при чужих ушах... И за что ж ей такое имя дадено – Нелада, вроде, девка справная, глазастая, только уж больно тоща».

Воротясь с улицы, в низких темных сенях он, задумавшись, налетел на кадушку с мукой и тут же зацепил кудрявой головой сети, хранящиеся у притолоки. Тут же забежали поверху мыши, заворчал потревоженный суседко, посыпалась Нечаю за шиворот соломенная труха.

– И впрямь пора покидать гнездо, – грустно рассудил он, стаскивая у лежанки рубаху, – тесна стала отцова клетушка, не дает плечи расправить. – Эй, кто там опять скребется?

Ожидал у дверей пораненного кота встретить, а в комнатушку ужом проскользнула Веся, кинулась ему на грудь заплаканным личиком.

– Хотя ты меня пожалей, соколик! Хотя ты приласкай, раз муженек только поленом по ребрам гладит.

– Да ты как здесь... – ахнул Нечай, ощутив, как дрожат под тонкой сорочкой плечи невестки.

– Тише, тише, родненький, лучше послухай, что скажу, – Спирька мой ныне убрался к Кокоре Рыжему, всю ночь будут на пару волков сторожить у зарода. Ему милей в стогу ночевать, чем со мной на постеле нежиться. Измаялось душенька... Бери меня, Нечаюшко, вся твоя буду.

– Добрая ты баба, а худое затеяла, – хрипло увещевал Нечай, пытаясь смекнуть, как ловчее спровадить Весю, а та вдруг ухватила его спереди за штаны и в сердцах прошептала:

– Была коза добра, пока волки бока не отъели. Другой бы на твоём месте давно меня повалил.

– Да чего пристала, репей... Я утром пойду в Городец. Совсем ухожу от вас! – чуть не крикнул Нечай, вдруг озлясь на беспутную бабу. – Ни днем ни ночью покоя нет. Ликом люди, а по нраву зверье. Не держи обиду, Весена, тошно мне с вами жить.

– Вон что задумал... – она лениво поправила сорочку на рыхлой груди и без охотки отлепилась от Нечая, а напоследок сказала, как плюнула.

– Пропадешь в Городце, дурень. Тебя ж любой посадский облапошит, ты каждой кобыле веришь, последний кусок нищему побирушке отдашь. Простота ты, простота-а... и силища твоя не поможет, и змеиный колдовской пояс.

– А не твоя забота! За мужем следи, бесстыдница.

Спровадил пониющую Весю да скоро и пожалел, ведь не от хорошей жизни она к нему пришла, словно тать в ночи за горелой корочкой счастья. А все же не годится задирать подол братовой жене. Даже на прощанье.

Оставшись один, с тихим стоном Нечай рухнул на овчины в углу и жадно втянул знакомый запах родного угла: выделанной кожей несло, чистой шерстью и матушкиными хлебами. А еще знал, как в доме затихнет, сверчок под полом заведет свою стрекотню, проказливые мышата опять вдоль стенок завожатся.

Нечем у него теперь в клетки разжиться, все припасы Ставр на зиму в амбар перенес – и бочонки с огурцами и рубленой капустой, и кадушки с медом, остались лишь связки лука да куль толокна.

На рассвете Нечай проснулся будто от батюшкиного пинка, как бывало по младости. Прислушался, кажись, в сенях за дверями два голоса шепчутся. Грубый, шершавый – Спирькин, а тягучий, глубокий не знаком. Разве что ведунья проснулась... Ишь, наставляет брата, как старая тетерка цыпленка малого.

– Не спутай, смотри, корни могущника на растущую лунницу молоть надо, тогда отвар тебе мужской силы добренько прибавит. Да моркови ешь, не скупясь, и жену в бане парь чаще еловым веником. Воду мою наговорную береги, будешь умываться три зори из турьего рога – снова кровь взиграет. А там уж сам должен знать, за какой «ухват» браться и как ловчее его в "печное устье" совать. У жены твоей дровишки жарко горят... Ежели снова дубьем обижать не будешь, детки родятся крепкими.

Тут Нечаю помстилось, что Спирька со слезой в голосе отвечал.

– Благодарствую, Нелада... как по батюшке величать тебя не ведаю, прости за обиду, толкнул давеча на дворе. Увидал, как ты с Веськой в сенник пошла, решил, будто против меня сговор дуете, совсем хотите уморить... Не сдюжил, прости... Не поминай лихом. А то, можа, погостила бы у нас денек, а? Я после сам провожу до Ощипок.

– У меня теперь дорога другая, втрое длиннее прежней. Прощай и здоров будь.

Дохнуло из сеней морозным ветерком, исчезла ведунья. Нечай запоздало сообразил, что с ним не простилась, а какая ей в том нужда? Он не хворый, не порченный, лечить его не пристало, а душа томится, так пора братьям слово сказать, еще с вечера вязнет на языке.

Твердо вошел Нечай в просторную горницу с черным закопченным потолком, прямо глянул в прищуренные глаза Ставра.

– Ну вот что, брате... Выдай-ка ты мне батушкины сапоги, какие он на прошлом торжище выменял в Городце. Хоть и малы немного, а я себе закажу такого же вида, пусть память останется. Еще заберу платок и рушник – матушкино вышиванье. А более ничего мне от вас не надобно. Подобрали у ворот голым, так хоть уйду в одеже. Небось, за столько лет отработал – заслужил.

Ставр очами по избе поводил, важно отхлебнул кваса из глиняной крынки и долго потом утирал усы, тянул время, прикидывал – выгода ему или беда светит при таком раскладе. А когда солнышко высоко поднялось над лесом, Нечай уже споро шагал по холодной земле, придерживая на плече суму-короб с нехитрым припасом и малым родительским наследством.

Тесно охватывал тело заветный пояс, не столько грел и оберегал, сколько веселил душу. Каждый птичий пересвист, каждый звериный писк теперь слышался Нечаю разногласой человеческой речью. Ожили сквозистые березняки девичьими трелями синиц, старым торгашом бранился на горбатом вязе седой ворон, молодецким лаем провожали псы из селища, заботливыми хозяйюшками встретили на порыжевших соснах проворные белки.

В другой раз Нечай постоял бы, послушал о чем сороки трещат, местные хлопоты обсуждая, тревожась о скорой зиме, – теперь самому недосуг.

"Только бы до темна выйти к большой дороге, а там, глядишь, встретится обоз, в попутчики попрошусь, авось и примут..."

Глава 3

В лесу

Волков бояться – в лес не ходить

Давно позади остались струйки печных дымов покинутого селища, после полудня пошел частый снег, прятал следы, засыпал густо лежащие на земле волглые листья. Для простого человека в сквозистом лесу стояла предзимняя тишина, изредка потревоженная раскатистой дробью дятлов.

Однако же колдовской пояс позволял Нечая различать дремотный шепоток старых сосен и тонкие всхлипы-жалобы молоденьких осинок, и ласковый говор матерых берез, уже не стыдящихся своих голых крон.

«Спите до весны, сестры... Отдыхайте от летней суеты, берегите силы, милые...»

И вдруг судорожно гаркнули вороны, тотчас зарядилась сорочья трескотня без передыху, мелькнула за иззябшими кустами облинявшая заячья спина.

Нечай присвистнул вдогонку косому и остановился, чтобы поправить на плече короб. Неспроста поднялась тревога в лесу, надобно оглядеться, чтобы самому в беду не попасть.

«Мясо! Мясо! Налетай – не зевай», – злорадно приглашал ворон, срываясь с растрепанного своего гнездилища на вершине одинокого дуба-великана.

Вслед за ним рванула между деревьями нарядная сорочья стайка. «Полетим, поглядим – ничего не утаим, все расскажем... всем-всем-всем... да-да-да-да-да...»

Устало выдохнул кряжистый дуб, разбудили горластые, леший бы их прибрал.

– Вот бестолковая шелупонь!

И тут со стороны Черных логов послышался сдавленный крик, не зверь стонал – человек звал на помощь. Нечай место прикинул и бросился на зов. Только слабенькая мыслишка заби-лась на виске жилкой: «Как бы кикиморка не обманул, приглашая в болото».

– Брось! Брось! Пропадешь, не дойдешь, – в самое ухо звенькнула длиннохвостая голубенькая птаха, скрылась в дупле.

– Гибель гибельная... – кошкой пропела иволга, задев крылом ветку над головой.

– Айда, провожу, – мельтешил перед лицом отставший от своих родичей нахальный молодой сорочонок. – Поживы на всех хватит!

Спустя малое время с разбегу свалился Нечай в первый ложок на груды бурелома, расцарапал ладони в малиннике, а уж оттуда слышал неподалеку людскую возню. Трое дюжих молодцев тормозили худенького паренька в серой шубейке, кидали друг другу на руки, сально смеялись.

Пригляделся Нечай – зашла душа, металась меж ражими мужиками знакомая ведунья, наряженная парнем для дальней дороги. А длинная косища уже выпросталась на грудь, из разбитой губы кровь течет, пачкает выбеленную холстину под запрокинутым горлом.

– Что ж вы творите, вороги! Отпустите девку, наша лекарка ошипинская...

Не хватило дыхания, пока выбирался из ложка на кручу, от злости слова растерял. А навстречу уже поворотился ближний из разбойных людей – косая сажень в плечах, даром что не велик ростиком и собой похож на корявый пенек. Скривил рот на бок, явил миру черные зубы.

– Невеста, что ль, твоя?

– Чья ни есть, а вам поганить не дам! – огрызнулся Нечай.

С надеждой и страхом глядела на него измученная Нелада. Зато Пень Корявый вынул из замоток расшлепанного сапога нож и большим пальцем потрогал острое лезвие. Нарочно страшал.

– Придержи перепелочку, Брага, я пока пришлого телка освежую.

Нечай не стал дожидаться, пока к нему подойдут, сам скакнул вперед, поднырнув под занесенную руку. А после ударил кулаком в лохматое межбровье. Пень более не поднялся. А вот за вторым бродягой Нечай не углядел, жажнул пятерней наотмашку только почуяв, как трещит распоротый сбоку зипун.

Обернулся круто, схватил разбойника за грудки и разбил плешивую голову о первую подвернувшуюся березу. «Прости, матушка, не сердчай...»

Краем глаза увидел, как третий срамник девушку отпустил и рванулся своим на подмогу. Этого Нечай приласкал дважды, потом кинул через себя и замер, расслышав костный хруст в хребте супротивника.

Некому теперь было нападать, а по правому бедру Нечая обильно текло липкое, красное, вынимало силу, остужало дух...

– Пырнул же тебя, тварюга, – ругнулась Нелада, задирая край набрякшего от крови полубубка. – Ложись на бок, рану перетяну, а то вовсе ослабнешь. Тьфу, пакость! Острие-то заговоренное, долгонько помает, тут нужен чистый огонь...

Кряхтели вороны на сучьях в ожидании скорого пира, мерещились за стволами серые тени и безжалостные волчьи глаза, рядом всхлипывала Нелада, опять бранилась, била себя кулачком в грудь, вроде, молиться начала. Или просить...

– Вставай, богатырь, надобно нам идти.

– В сон клонит, – удивляясь себе, медленно рассудил Нечай, – в глазах темно, ног не чую. Оставь, не тревожь, маленечко отдохну.

– Четвертым тут лежать наметился, лис да волков ждешь или пока воронье не слетится с округи? А вот не допущу! Берись за шею, ну-у, коряжина тебя задерит, руку дай, обопрись на меня. Чего пилишься зря? Знаю, что хороша, только свататься не в пору.

– Откуль у тебя за спиной крылья? На небо меня заберешь? – еле разомкнул сухие губы Нечай.

– Чудится тебе, богатырь... А может, и нет, – усмехнулась ведунья, – до зимовейки дотащимся, руду остановим, так имя свое тебе назову – заветное, родовое – никто, кроме бабушки Белояры его не знал, не слышал, а тебе скажу. От муки и позора избавил. Век помнить буду.

– Добро... – выдохнул Нечай, собирая силы.

Изредка пятная снежок бурыми пятнами крови, в синих сумерках они миновали лога, вышли к реке и немало брели вдоль берега по холму к заброшенной охотничьей избушке в еловой роще.

Запружили под ногами рыжая хвоя, совсем тихо стало.

– Прадед мой еще зимовейку ставил, хотел лес корчевать и разбить поля. Покосы тут тоже славные. Надорвался и помер, а внучка его Белояра место запомнила, травы здесь собирала, снадобья варила, призывала Богов, – сбивчиво поясняла Нелада. – Много бабушка знала, хотела и мне Темные ворота открыть, да не пришлось... Знать, самой придется искать. А мы с тобой куда пришли.

Зимовье ожидало неприметно под огромной елью с покосившейся набок верхушкой. Мимо проскочишь, не заметишь тесаных бревен, почерневших от многих лет, обросших мхом и серым лишайником.

Ведунья помогла Нечаю улечься на единственной лежанке в горенке и, приоткрыв оконную прорезь, занялась печкой. Опять что-то шептала, нашаривая впотьмах кремень и кресало.

– Приветь гостей, дедушко, укрой-обогрей от лихого люда, от дикого зверя.

Брызнула искра, родился огонь, жадно облизал трубочку береста, еще попросил... Скоро нашел сухие ольховые дровишки, накинута с довольным гудением. Или то сосны шумели в тяжелой голове Нечая.

Он открыл глаза и увидел над собой белое лицо ведуньи, – полные губы будто вымазаны в клюквенном соке, до того красны. Вот приоткрылись, родив доброе слово:

– Сбегаю за водой, наломаю лапника и живо поправлю тебя. Глотни пока козьего молочка, дай голову поддержку.

И снова руки ее показались ему лебедиными крыльями, что сейчас мягко касались взорвавшегося лба с прилипшими завитками волос, утирали щеки и подбородок.

– Имя назвать хотела... – напомнил Нечай.

– Позже скажу.

– Не обмани.

– А тебе зачем?

– Догадку проверить охота... Про себя лебедушкой зову, – точно в полусне открылся, так бы не посмел.

– Хворый ты, ну, чего вцепился, обожди – вернусь, чистым рядом рану укрою, словами зашью, как Белояра учила. Не впервой...

– Ладушка...

– Помереть не смей, мне вечный укор будет!

От ее грозного упреждения Нечай твердо жить вознамерился, но до рассвета томил его недуг, трясло в ознобе, выворачивало суставы, плющило кости. Да еще грезилось, что скрежещет по дранкам крыши когтистый филин, сторожит молодецкую погибель.

– Держи меня при себе, ладушка... – стонал Нечай. – Не отдавай Желтоглазому... рано еще мне...

Услыхала, приникла к груди, в который раз зашептывая беспокойную рану: «Прочь поди, лихоманка болотная! Забери восьмерых сестер, сгиньте от нас Огнея, Трясея, Ломея, Навея... Жилы вам не тянуть, кости не крушить, тело не рушить...».

В тяжком мороке видел он, как сбросила ведунья нижнюю рубашку и чертила вокруг себя раскаленным ножом, а потом широко развела руки и повернулась, открывая воспаленному взору Нечая свою наготу.

Сердце его на миг затаилось бельчонком в родном гнезде, а после заметалось испуганной кунницей. Снежными холмиками с неспелыми клюквинами сосков белели перед ним груди, отсветы огня золотили темный пушок в межножье.

"Дай Род силы!"

Под густыми тонкими бровями смело глядели пронзительные глаза травницы. Пыхлая лицом, Нечай смежил веки, лишь когда почувал, что девушка легла к нему, согревая гибким, молодым телом, – кожа к коже, уста к устам. И хотел бы обнять в ответ, да Нелада отвела его ослабевшие руки, ласково приказала:

– Тихо лежи, слушай меня, пей меня, набирай крепость, к зорьке родишься заново.

Потом смело поладила его твердый живот, прохладной ладонью накрыла повязку в бок, ниже пальчиками скользнула и, ощутив под льняной пестрядью явный мужеский интерес, усмехнулась, будто бы запоздало стыдась.

– Погоди штаны стягивать, еще не женился...

– Да я только пояс проверить хотел, тайная сила в нем скрыта, – задыхаясь от девичьей близости, ответил Нечай.

Закипала кровь, растворяла-плавала недуги, взамен ковала новые помыслы и желанья.

«И вовсе она не тоща – белая, ладная, шелковая, как молоденькая косуля на взгорке – лебедушка моя... толченой земляникой подмышки пахнут, а груди, наверно, сладки на вкус,

ежели забрать в рот. И я ровно коряга валяюсь, толку нет... А, может, нарочно морочит меня леший, в урочище свое заманил, голой девкой дразнит... Ишь, филин в оконце смотрит...»

– Потрачен ножом твой пояс, завтра зашью, – зевнула ведунья, прикрыв шубейкой бедро и ловчее пристраиваясь к плечу Нечая.

Он шумно сглотнул, попросил бредово:

– Ты филина-то гони отселе... пусть летит к зароду мышковать, Спирька завтра опять волков караулить будет... Ох, забота... в город мне надо идти...

– Вместе пойдем. Тебя ведь Нечаем звать? Мне жена брата твоего сказала. Добрая баба, только глупая – душу ты ей растравил, плакала о тебе. Другой зазнобы в селище не оставил?

– Нет у меня никого... Ладушка, а чего сюда Желтоглазый смотрит... пужни ты его лучиной, а то сам поднимусь.

– Закрото оконце, не бойся! – отчего-то довольно засмеялась ведунья, блеснули под припухшей верхней губой зубы-жемчуга, – Никому тебя теперь не отдам, ни лешему, ни пешему, ни бабе глазливой, ни девке трепливой... Спи, Нечаюшко, одолели мы чужой наговор.

– Так открой имя свое, – засыпая, попросил он, уложив наконец непривычно слабую ладонь на теплое девичье колено у себя в паху.

– Скажу, если обещаешь таить. Лебединым криком нарекла меня матушка, выпуская из чрева, а потом ушла по небесной тропе в Верхний мир. Бабушка тогда много слез пролила, и стала я для нее Неладой. Так все и зовут.

Думаешь, всегда мы в здешних Ощипках жили? Э-э, нет. Род наш берет начало от Каменного пояса или Рипейских гор, как кличут на торгу иноземцы. Да ты спишь, Нечай... Завтра доскажу. Ежели ночь припомнишь.

Глава 4

Лебедь Белая

Махнул глухарь черным крылом – пролетела ночь, сдвинул красные брови – занялся малиновый рассвет. Нелада ранешенько поднялась, снова каменку топила, травы запаривала, – вился к открытому оконцу черный дымок от сгоревших еловых веток. Пахло смолистыми шишками и зверобоем.

Жар у Нечая спал, теперь жажда томила и одолевала разные думки. Правда ли ведунья спала на его плече без одежды? Гладила ли тонкими пальцами по колючим запавшим щекам, целовала – шептала за ухом... И ведь не спросишь прямо, рассердится или примет за обиду. Итак напужалась вчера. Очень уж хотелось начать разговор с самого простого.

– Смутно помнится мне, ты сказку недосказала. Про дальний лес и высокие горы. Озеро лебединое, тайное.

Нелада села к нему на лавку с горячей кружкой в руках, – такая же строгая и неприступная, как в первый вечер знакомства.

– Про озеро слова не было!

– Значит, приснилось... – притворно тяжело вздохнул Нечай.

Подобрела ведунья, начала расспрашивать сон, пришлось ему выдумывать сходу.

– Мнилось кругом зеленое лето. Будто прячусь я за кустами и слежу лебедей на воде. Они плещутся, играют, а потом перья на бережок сбрасывают и обращаются в пригожих девиц.

– Так вот кого ты караулил на самом деле! – усмехнулась Нелада.

– Я ж только одним глазочком глянуть на чаровниц... Порадоваться, что есть на нашей земле диво такое светлое.

– А крылья у самой баской красть не думал?

– Зачем? – удивился Нечай.

– Чтобы ласками выкупала, – зло бросила ведунья. – Чтобы слезы лила и кланялась, как ей без крыльев-то к батюшке в заветный терем отправляться.

– Не держал в уме худой мысли, – тихо, но твердо ответил Нечай без запинки.

И тогда блеснул в ее темных глазах знакомый ласковый огонек, дрогнули полные губы, напомнив об истоме ночной, когда прижималась к нему легким, прохладным телом, манила девичьей свежестью, обещала унять муки, держала живую душу в руках.

– Значит, досказать басенку о том, как покинул наш род вольные луга перед Большим камнем? Только в ней печали пополам с радостью будет довольно.

Так вот, жил в одном селище мужичок – сметливый да работающий и женка ему под стать – проворная да бережливая. Было у них трое сыновей – помощников. Настал срок – старших удачно женили и отпустили жить своими избами, а младшему-то любимому сынку долго не могли присмотреть невесту. Парень хотел красивую забавницу, отец искал богатую да в хозяйстве спорую, мать – покорную и услужливую невестку. Все села перебрали окрест – нет такой, чтобы все приметы совпали.

Летом заметил отец, что в овсяное поле у реки повадились дикие лебеди. Приказал младшему сеть раскинуть, и однажды попалась в нее белая лебедушка. Схватил ее парень за крыло, занес нож, а она вдруг обернулась девушкой невиданной красоты.

Очи потупила, высокая груди со страху ходуном ходит, а на шее каплями крови запеклось ожерелье самоцветных камней.

– Замуж пойдешь за меня?

– Пойду.

Всем угодила нечаянная невеста. Оказалась скромна и молчалива, к труду приучена и песни петь мастерица. К тому же приданое за собой принесла – то самое ожерелье больших денег на торгу стоило. А самое главное, про родичей ничего не сказывала, значит, никто не проверит, как молодушке живется в новом доме. Не проверит – не заступится...

Решив, что сиротку безропотную пригрели, селяне не спешили ее доченькой называть, нагружали работой без малого роздыху.

Едва зорька займется, мать велит печи топить, воду таскать, хлеба ставить, лен трепать, отец гонит скотину доить, огород полоть, а муженек просит петь и плясать – сердце веселить, а после расшить сорочку нарядным узором.

Металась меж ними лебедушка – дурнела лицом, тощала телом, каждому хотела угодить в новой семье, а по ночам лила горькие слезы, вспоминала раздольное девичье житье вместе с сестрами. Как водили хороводы на песчаном бережке, как мамушка перед сном русы косы расчесывала с приговором:

– Не летай к людям, не балуй на полях, не дари сердце чужому-холодному, после вспо-
каешься да крепки силки назад не отпустят.

Мочи нет, собралась Лебедушка за водицей на реку, а там забросила ведерки в кусты и взмолилась высоким небесам:

– Сестрицы мои милые, не оставьте погибать глупую, сбросьте по перышку...

Услышали ее сестры, спустились ниже, просьбу исполнили, слезы утешили.

Трижды приходила к реке Лебедушка, долго просила подмоги и втайне плела себе новые крылья. Муж что-то заподозрил, взял кожаную плетъ, отправился следом.

Видит, сквозь осоку знакомое платье виднеется – белая холстина, красный узор. Взыг-
рало ретивое, затуманился гневом взор.

– Отвечай, негодная, куда каждый день ходишь, кому себя даришь?

Кружат над текучей водой мелкие пуховые перышки, ветер полощет на мостках длинные пустые рукава, играет цветным подолом. А с чистых небес среди лебединого гомона слышался знакомый голосок. Ласковый и печальный.

– *Прощай, человек! Не умел любить, не умел беречь, Оставайся век горевать...*

Страшно закричал парень, а после заплакал навзрыд. Упал на траву и лежал бревном до потемок. А дальше, должно быть, вернулся домой – отец с матерью уж стары, а хозяйство большое. Придется другую жену искать.

Нелада резко прервала рассказа, перекусывая зубами нитку, которой зашивала змеиный пояс. Любо было смотреть, как плавно движутся ее руки, разглаживая затейливые петли узора.

– Откуда у тебя эта вещица занятная?

– С рожденья при мне, – охотно ответил Нечай. – Подкидыш я, про своих родных ничего не знаю, а про тех, кто взрастил-выкормил слова худого не скажу.

– Однако ж уходишь из родной деревушки, не желаешь с братьями дружбу водить. Мир не берет. – Словно острой иглой кольнула душу.

– Ты лучше скажи, что дальше с Лебедушкой стало, – сухо попросил Нечай.

– А что стало? Вернулась под батюшкино крыло, народила деток. Отселе и род наш пошел – всем хорош да удачлив, ликом мы белы, очами светлы, волосом русы. Правда, люди стали часто тревожить угоды, пускать стрелы каленые в белых лебедей, разорять гнезда. Оттого мы перебрались дальше от Каменного пояса, переняли человечьи повадки и здесь поселились. Первую зиму туго пришлось, не зря нас языкастые соседushки прозвали ощипаннymi. Вот и селищу название дадено...

– Чудно складываешь! – похвалил Нечай. – Одно в толк не возьму, ежели все вы белы и меж собой дружны, почему ты с темной косой одна по лесу шастаешь. Нарочно ищешь беду...

– А я галкой народилась в лебяжьей стае. Матушку уморила в родах, бабушку не проводила по чести, пока слепцы в чаще проверяла да рябчиков стерегла. Одно слово – неладная...

– Зато людям пользу несешь, травы знаешь, недуги лечишь, – утешал Нечай, стараясь коснуться ее опущенной руки.

– Белояра хотела перед смертью мне Навьи врата открыть, просила дом не покидать надолго, чуяла, что скоро накинется смертный полог. А я сбежала утром на малый час, охотиться страсть люблю, сама плету сети и ставлю силки, душу птичьей мне не жаль – совсем как тому молодцу, что Лебедушку в черном теле держал.

– Так на одной каше скучно сидеть приходится... Я вот тоже дичину люблю, только без острой нужды сам жизни лишать не буду, все ж душа не курячья, не поросычья – лесная, вольная.

Нечай совсем уж было хотел открыться про то, что змеиный пояс дает ему разуменье язык каждой твари понимать, но смолчал, продолжая слушать ведунью.

– Бабушка Белояра без меня отошла. После во сне привиделась, сомкнутыми устами бранилась, а слов я не могла разобрать. Теперь не найду покоя, пока не узнаю, простила ли внучку-ослушницу, даст ли подсказку, как проходить Навьими вратами, красть у смерти болящих. Хочу больше силы иметь...

– Силу должно с умом применять, – вслух припомнил Нечай наставленье городецкого сотника. И от попрека не удержался:

– Как же ты, лесовичка, попалась разбойным людям? Неужто застали врасплох?

Нелада руками лицо закрыла, ногти над бровями в кожу впились.

– Устала я давеча с твоими невестками. Сперва мальчонку лечи, потом Весене дай приворотное зелье, не поймешь, для тебя ли – для мужа. Тот еще привалился прощенье просить, маятно все же средним в дому считаться – не мал, не велик, серединка – наполовинку. Возрадовался, наверно, что ты уходишь.

А про себя скажу, не таясь, от чужих бед сама хожу как шальная. Белояра наказывала после лечения три дня чистоту блюсти, одну воду пить да помалкивать. И тут я ее подвела, чуть следом не отправилась, хорошо, что ты мой крик услышал. Не дрогнул, не бросил...

– Ты ведь тоже меня спасла. Сошлись две тропинки вместе.

Больше бы сказал, надо ли торопиться. Бывало так-то спешил, да скоро нарывался на смешливую отповедь. Мелькнул в памяти задравшийся Калинкин сарафанчик, испачканный травяной зеленью, шевельнулась в душе давняя обида.

Отвлекла Нелада, спросила, чем в городе он собирается промышлять, уж не в княжескую ли дружину метит. Ответил раздумчиво:

– А хоть бы и так на крайний случай! Ежели другое дело не сыщется по плечу... А тебя кто ждет в Городе?

– Говорят, живет на окраине, у самой реки старушка-лекарка, испытать ее хочу, может, будет чему поучиться.

– Училась кура зерна клевать, пока в суп не попала... Как бы тебя в городе никто не обидел. Меня держись, тогда уж не пропадешь, – важно изрек Нечай, ощутив, как наливается тело прежними силами.

– И ты не отставай, мало ли опять какая болячка присядет, – в усмешке показала зубы Нелада.

На том и порешили.

Глава 5

Драная шкура

На большой дороге было оживленно. К Городцу двигались повозки с разной поклажей: рыба и мясо, битая птица, мед и пенька, глиняная и деревянная утварь, ведра, лопаты и бревна. Звенели в мошнях у торговщицы бронзовые и серебряные гривны. Зорко посматривали вокруг воины наемной охраны, не блеснет ли среди оголенных дубов и кленов лезвие разбойничьего топора, не шелохнется ли еловая ветка от дубинки с ржавыми железными клепами.

Изрядно поотстав от богатых обозов, плелись по колдобистым колеям на двух телегах скоморохи-гудошники. Люд оборванный, но шумливый. На первую телегу к ним подсадили Неладку, а Нечай со второй пошел, рядом с рыжебородым шуплым мужиком.

Не так важен казался скоморох, как его толстопятый спутник, – на длинной гремучей цепи за телегой вперевалячку брел исхудавший медведь с разорванным левым ухом. Сонно бурчал-жаловался на свое унылое житье, на железное кольцо, протетое в губу да на острый кол строгого хозяина.

Слушал Нечай звериные обиды, а потом обратился к Рыжему.

– Худо кормишь Мишку, едва на лапах держится. Стар и хвор, отпустил бы в лес помирать, все равно он уже не работник.

– А тебе какая печаль до моего кормильца? – посмеивался Рыжебородый. – Мы с ним каждую зиму лихо устраиваемся в Городце, потешаем народ на праздниках. Ежели суждено протянуть когти, так пусть наперво хозяину харч заслужит. А на миру и смерть красна. Верно ли говорю, Безухая Шкура?

Медведь рыкнул обиженно, морду в сторону отворотил, засопел, втягивая вольный дух леса, а Нечай различил слова:

– Может, я и безухий, а все ж не глухой... А роща-то как мани-и-ит, укрыться бы мхами прелыми да палой листвой, сбежать от чужого веселья, схорониться под буреломом в овражине, навеки уснуть.

И такая человеческая тоска послышалась Нечаю в медвежьем рокоте, что у самого в горле ком собрался, ни глотнуть, ни вздохнуть, как следует. Хоть и обученный всяким проказам зверь, а тяжело ему под старость в цепях шутком служить на площадях.

– Была не была! – решил Нечай, бросил об колено шапку. – А продай мне свою животику, все одно ему скоро подышать...

– А купи, коли жалость берет, – пошлепав губами, равнодушно вымолвил Рыжий. – Дорого не возьму, две денежки серебра вынь да положи.

– Многовато будет, нынче я казной не богат, – грустно усмехнулся Нечай, виновато поглядывая на понурившегося медведя. «Неужто речь мою разобрал?»

Заслышав торг, и Неладка соскочила с телеги, сразу к Рыжему сунулась, застрекотала, как сорока.

– Ты, дяденька, нос-то не задирай, впереди лужа, как бы не упасть. Я вот смотрю, телом ты слаб, глаза у тебя желтые, не болит ли под правым ребром? Рыбкой малосольной часто ли балуешься? А то ведь с червем в животе скотинку свою ненадолго переживешь. Сбавь цену, я тебе травку целебную подкажу, нутро очистишь, веселей будешь ходить.

Совсем спал с лица задиристый скоморох, обвисла рыжая борода кочьями, подбородок затрясся – не то от страха, не то в лютом гневе. Нечай даже подосадовал на ведунью, сейчас прогонят ее с воза, придется пешком топтать или другим обозникам кланяться. И чего лезла в мужской разговор, сам бы управился. Много о себе девка мнит!

Но после вмешательства ее дело скорее сладилось. Советов знахарских Рыжий слушать не стал, а медведя согласился отдать за сапоги, которые Нечай в память о названном отце взял из дома. Рыжему-то они как раз впору пришлись. Скоморох будто нехотя отцепил ржавую цепь от телеги и вручил конец Нечаю. Только тогда довольно осклабился, делая вид, что пускает слезу.

– Владей моим добром, молодец! От сердца отрываю, как брата родного любил... Прощай, Безухий, худого не помни.

Нечай молча повел медведя в лес, на ходу открывая суму, надо было достать долото и нож, вынуть кольцо из губы зверя. На прежнего своего хозяина тот даже не оглянулся. Нелада осталась ждать у обочины, натянула на самые глаза башлык, куталась от студеного ветра. И чего ей на телеге в соломе не сиделось? Чудная.

Только железо сняли, Мишка сразу в свободу поверил, облезлыми лапами седую морду потер, слизнул с драной губы кровь и, благодарно склонив голову, проворчал еле внятно:

– Нечем мне тебя отдарить за спасенье, так попробую верный путь подсказать. На задах Городца у самой реки стоит Телячий заулочек. Там живет усмарь Шатун – хмурый вдовец, к нему просись на работу, он сладит тебе годные сапоги, а лебедушке твоей мягкие рукавички на белы рученьки.

– Благодарствую, – растерянно прошептал Нечай, поправляя на себе заветный змеинный пояс, редко кто из лесной живности в степенные разговоры с человеком пускался.

Разве что мыши из подпола верещали, чтобы не звал в дом кота, обещали зерно не портить сверх меры, да Пушок напоследок заплакался на свое несчастье, ругал-костерил глупых баб, которые его на пороге зажали и лишили мужеской чести безо всякого основания. Или сом, который в прошлое лето из водяной ямы лезть не хотел, как его Нечай не упрасивал...

Ушел медведь в лес, остался на суку висеть клок бурых волос, скоро снесет его ветер наземь, засыплет красной листвою, следа не оставит.

«Вот и я отцово наследство раздал, так, глядишь, из памяти и селище родное сотрется, матушкины песни забудутся... Свой бы дом поставить на взгорке у реки, завести хозяйство, найти по душе милую... А чем еще жить? Чем другие люди живут? Отец плотничеством да пахотой, матушка любила огород, Ставр развел полон двор скотины, Спира – охотник и рыбовод. Надо бы теперь к городским приглядеться».

В просвете между деревьями показалась тонкая фигурка Нелады, долетел с дороги встревоженный окрик:

– Эгей! Сюда, богатырь! Уж не с косолапым ли в берлогу залечь собрался? Только ответ дай, зря дожидаться не стану.

– Сказал же, в город одну не пушу.

– Ух, строгий какой... Ну, давай гудошников догонять, кто быстрее добежит, тому и сидеть на возу.

– Если пустят тебя, языкастую! Не могла уж смолчать...

– Тебе подсобить хотела, вижу – люб ледащий медведь, свет застил...

– Уймись! Посажу на дубок, не слезешь годок.

– А ты сперва догони, хвоста!

Дразнила, ровно девчонка, еще и толкнула легонько в грудь, Нечай нарочно руку не перехватил, фору дал до пяти шагов, а после пожалел, конечно.

Будто летела Нелада, только у первой телеги и сграбастал в охапку. Зацеловать бы теперь, как подсказывали веселые мужички-гусяры на возу, но темные глаза распахнулись студенными омутами под густой опушкой бровей, запретили озоровать.

– Ты чего бежал как подстреленный? Рана откроется.

– Так ведь сама позвала, – выдохнул Нечай, сжимая ладонью растревоженный бок.

– На всякой ли зов побежишь... Хотела испытать, а ты принял за правду. Молчи уж, садись на мешки да завори рубашу, я сальцем барсучьим смажу. Горе луковое!

Подвинулись скоморохи, уступили местечко в телеге, сперва перешептывались меж собой, а потом затянули песню о храбром витязе, что один целой дружины стоил. Нечай веки смежил, думал про себя о нелегком ратном труде. Так ведь и усмарь не даром хлеб ест. Сапоги, ремни да колчаны воинам тоже требуются.

"Возьмет ли Шатун в ученики... А как крепко на ноги стану, поставлю свою избу, свое дело открою".

Глава 6

На торгу

Что город, то норов, а в каждой избешке свои погремушки.

Разомкнулся лес, показался впереди на холмах городок, окруженный каменно-земляным валом и деревянными стенами. Высоко поднимались островерхие башенки княжеских ли боярских теремов над избами и клетями служилых людей, купцов, ремесленников и прочего рабочего люда.

Нечай дважды бывал в Городце на летнем и зимнем торгах вместе с отцом. Да ведь при Будиме на сторону лишний раз не глянешь, надо поклажу на телеге стеречь, держать под уздцы встревоженного суматохой коня, овец выкрикивать на продажу, а сейчас приходится только за вздорной девицей присматривать. А может, это она за ним...

Очень уж уверенно Нелада ступала по деревянной мостовой через Детинец, будто клубочек невидимый ее через мост вел, борзо нитку назад разматывая. Поселенские-то девки в городе обычно жались к своим отцам-братовьям, платками лицо прикрывали, глазенками хлопали изумленно на чужие наряды и украшения.

А лебедушка оципинская себе цену знает, не идет – плывет над мостовой в мягких высоких сапожках с меховой опушкой. Залюбовался Нечай, нарочно отстал и тут же зарок положил – поскорее справить себе годную обувку. «Зипунишко-то ничего, еще крепкий, перебыюсь зиму».

Только толпа миновала главные городские ворота и приблизилась к торговой площади, скоморохи соскочили с телег, принялись дуть в гудки, рожки и сопели, заиграли на гусях, забрякали деревянными ложками об медные тарелки и барабаны. Народ ближе подтянулся, приготовил мелкие монеты потешникам.

Гулко зацокали по обмерзшим булыжникам кованые копыта, показались впереди конные ратники – все как на подбор важные бородачи, видно, княжеская охрана.

Нечай едва подругу свою из виду не потерял, пока рассматривал волосяные бунчуки на древках длинных копий. «Не увижу ли знакомого сотника...»

Но среди крепких мужей вдруг мелькнул зеленый плащ в золотых разводах, почудилось знакомое розовое личико с обиженно надутыми губками. Вот-вот заплачет красавица.

– Княжна Отрада... Все же поймали беглянку, – прошептал Нечай, не заметив, что подруга безуспешно тянет его назад.

– Па-а-старани-ись! – пробасил над головой свирепый окрик гридня.

Тут даже глухому ясно, что пора дорогу освободить. Ухватив Нечая за кушак, ведунья сердито выговаривала, силясь допрыгнуть до уха:

– Ты, что ж, совсем у меня шальной? Иль баских девок на коне отродясь не видал?

– Да я так... прости, загляделся малость.

– Решать надо, кого прежде искать пойдем, – с тревогой в голосе рассуждала Нелада. – Старую лекарку Опалиху или твоего усмаря? Не то зря до вечера проваландаемся, а на гостинный двор я ночевать не хочу проситься, там нынче торговых полно, повернуться негде. Ну надо же, красавицу в бархатной шапке он углядел в кои-то годы – пнем застыл!

Нечай тряхнул головой, прогоняя неуместные думки о юной княжне, перед спутницей своей повинился.

– Пойдем по кожевенным рядам, мужиков спросим за обоих сразу. Доброго мастера да опытную лекарку каждый бродячий пес знает.

– Погоди, я только одним глазком на бусы гляну. Даже не приценюсь... на что мне такие броские. Только зайцев смешить.

Теперь пришлось Нечаю за Неладой бежать, и ведь было чем любоваться – словно печным жаром горел раскрытый кованый сундук янтарными, золотыми и бронзовыми уборами. Сверкали на солнце серебряные шейные гривны, браслеты и серьги.

А с другого края слышался чужеземный отрывистый говорок, то безбородые горбоносые купцы раскладывали на помосте диковинные поволоки-ткани: парчу, бархат, пестрые шелка. Выше висели на кольях шапки из соболя и куницы, бобровые воротники, волчьи шубы.

На торговой площади шла оживленная торговля в мясном, рыбном, соляном и дегтярном рядах. Здесь торговали калачами и киселем, медом, луком и чесноком, глиняной и деревянной посудой.

– Нечай, смотри, дальше оружие пошло, значит, и простая одежда скоро... А вон пряники в виде птичек! Винные ягоды вместо глазок сидят, а в раскрытом клювике по брусничке. До чего ж любо!

Он только степенно плечами повел, даже усмехнулся про себя, стараясь не выпускать из пальцев ее горячую взмокшую ладошку.

«Знающую из себя лепит, а сама как есть девчонка, которая слаще земляники ничего не едала. Недаром говорят, что ошипинские хоронятся от людей, особенно живут, с чужими не водятся, и не вытащишь их на торг».

Одно тяжко, худоват кошель, чтобы ей полный короб сластей набрать. Правда, на пряники медовые хватит и на горячий клюквенный морс, и на пирожки с грибами.

– Выбирай, лебедушка! Гулять, так гулять.

– А ты чего ныне такой щедрый? Я и сама расплачусь. Ай, глянь, игрушки расписные... У нас в Ошипках из соломы занятней кукол плетут, лоскутки на платяшки ярче подбирают, да каждой свой поясок из обрезков кожи.

Не ответил Нечай, вздохнул украдкой – невдалеке у шатра с кольчугами и мечами стояла княжна Отрада, рассматривала ножны, примеряла по руке. По круглому плечу вьется пшеничный локон, недовольно притоптывает красный каблукочок нарядного сапожка.

Как замороженный направился Нечай в сторону лавки с оружием, все равно спутница занялась покупкой сластей, после догонит. И зачем пошел, вроде, разговор начать несподручно да и вспомнит ли Отрада случайного встречного на обмерзшей лесной дороге.

И вдруг позади раздался топот копыт и гневливое фыркание большого зверя. Закричали люди, ломанулись в стороны, круша прилавки с посудой, полезли на столбы. Нечай обернулся и ахнул – прямо на него мчался черный бык с оборванной веревкой на могучей шее. Из разинутой пасти свисали мутные нити слюны, маленькие глаза налились кровью.

Самое время уступить дорогу бешеной скотине, пусть стражники достают мечи, а то и пыряют копытами в мясистый бок. Но впереди громко всхлипнула Отрада, а стройный витязь возле нее беспомощно опустил густо-червлёный щит и тоже стоял столбом вместо того, чтобы оттащить княжну в безопасное место.

О себе Нечай вовсе не думал, одна мысль охватила разум – сберечь девушку в зеленом плаще, увести удар. Сейчас же упруго подобралось тело, пальцы сомкнулись сначала вокруг правого рога, а потом захватили левый, сильные руки резко вывернули бычью голову набок и потянули к земле.

Страшный рев оборвался насадным хрипом, тяжелое дыхание зверя разметало волосы Нечая, а он продолжал сгибать шею, давя всем весом на лоснящуюся, липкую от слюны морду, пока бык не перестал биться под ним. На миг и сам богатырь словно памяти лишился, от напряжения гудели во лбу чугунные колокола, не слушались пальцы, приросшие к изогнутым рогам.

– Чья скотинка-то была? – раздался над ухом заботливый старческий голос. – Кому убыток зачесть?

Народишко копошился, смыкая неровный строй вокруг лежащей на земле пары – мате-рого быка со свернутой шеей и молодого мужчины в залатанном полушубке. Испуганно ахали бабы, восторженно щебетали мальчишки, деловито переговаривались мужики, обсуждая размеры поверженного животного.

Нечай выплюнул изо рта клочок черной шерсти, облизал пересохшие губы и с трудом повел затекшими плечами. Распоротый в лесу бок немилосердно болел, рана открылась, и повязка уже набухла кровью.

Оттого и расплывались перед глазами чужие сапоги и полушубки, пока в багряном зареве не мелькнуло нежное личико Отрады. В дрожащем голосе княжны теперь не было и капли заносчивости.

– Спаситель мой, прикажу в терем отнести, батюшка наградит!

Коснулась колючей щеки Нечая легкая рука с тонкими перстами, и сразу же подхватили княжну рослые стражи, увели за собой.

«Пригрело солнышко и спряталось за тучку...»

А уж рядом ведунья хлопочет, обхватила друга вокруг пояса, будто хочет оторвать от бычьей холки, и все-то непривычно молчком, потому что слезы даже причитать мешают.

Зато чужой стариковский говор озабоченно кому-то докладывал:

– Слыхали? Постельничий князев за убитого быка заплатил серебром. Велел тушу отдать богатырю. А ежели парень помрет? Погляди, как кровяца хлещет, рогом видно его задело... Кому мясо, кому шкуру тогда?

Тут уж Нелада огрызнулась:

– Ну вас в баню! Слетелись, как воронье на мертвечину. Подскажите лучше, как усмаря Шатуна сыскать, к нему мы шли, ему быком и поклонимся.

Посиневшими губами Нечай пробовал улыбнуться ведунье, еще и шутил коряво:

– Двух дней не прошло, опять тебе меня штопать. Но если как в прошлый раз будет, я согласен.

Ух, как она полыхнула лицом.

– Молчи, неумный! Лезешь на рожон, а если б он тебя затоптал? Все удалью хвалишься ради синих глаз, а княжна тебя уже к вечеру позабудет за медовыми яблочками.

– Лишь бы ты помнила, ладушка. Я же не за награду...

Никогда не умел Нечай с девками красиво болтать, проще поле вспахать да повалить сосну, что сотню лет подпирает макушкой небо.

Уважительно раздвинулась толпа, вышел вперед мужик с неровно подстриженной полуседой бородкой. Невелик ростом, но грудь широка и руки длинные, что весла на торговой ладье. Зоркие черные глаза смотрели со строгим прищуром.

– Сказали мне, будто парень в лаптях одним пальцем зашиб быка-пятилетку. Ого! Думал, брешут... И вовсе не кляча худая, а добрый товар. Хочу прицениться к шкуре, с кем торг вести?

– Да, кажись, вот он лежит – хозяин, теперь бык наш по заслуге. А сам кто таков? – смело спросила Нелада.

– Шатуном люди прозвали, – последовал горделивый ответ. – Я кожи мну и крою, сапоги шью, седла и ремни на заказ готовлю.

Держась за плечо ведуньи больше для вида, чем от слабости, Нечай склонил голову, а потом прямо сказал:

– К тебе иду, дядька Шатун. Бери меня вместе с быком, авось пригожусь.

– Посмотрим еще... – уклончиво заявил усмарь и тут же принялся договариваться насчет волокуши. Не на своем же горбу тащить до Телячьего переулка здоровущего быка.

Пока тушу укладывали, ведунья успела купить кружку горячего сбитня, напоила Нечая, а после утерла ему лицо своим же платком.

– Как за младенцем ходишь, – смутился Нечай. – погоди, спрошу Шатуна за старушку-травницу, может, и тебя приютит. А то назовемся родичами, поживешь с нами. Не оставлю тебя одну.

– Благодарствую на добром слове. Я сама про Опалиху разузнала, в соседях поселимся коли так.

– Вот это хорошо! – обрадовался Нечай.

– Только послежу, как тебя в доме кожемяки устроят... Дяденька Шатун, далеко ль нам еще идти?

Нечай диву дался. Только что ему выговаривала, как старшая сестрица несмышленишу, а перед усмарем очи клонит, голосок угодливый, ласковый.

«Ну и лиса! Обхождение знает, даром, что дремучая лесовичка... Вот и угрюмый Шатун посветлел лицом в ответ на девичью улыбку, приосанился, бороду пригладил. Правда ли он вдовец? Захоти Нелада – хозяйкой в его доме станет. Да что там пожилой усмарь, князя можно приворожить... А она много чего умеет, и кровь остановит и сердце кольнет. Такую легче сестрицей назвать... Да разве ж я чего испугался? Разве ж меня самого полюбить нельзя? Только она, по всему видать, высоко метит, не за женихами пришла в Городец».

Только призадумался, Нелада уже заглядывает в глаза, будто тайные помыслы хочет разведать.

– Сильно болит? Потерпи, Шатун обещал наутро баньку протопить, выгоним хворь из тела.

– Сама поди парить будешь? – грубовато брякнул Нечай, внезапно осердясь не пойми на что.

– Если дозволишь – доверишься... – смеются полные губы, а в глубине карих глаз затаилась давняя тоска, а то и показалось Нечаю.

– А ты мне доверишься? – спросил он, глядя себе под ноги, намаялся за день, а тут еще пригожая девица банькой дразнит.

– Хороший ты парень, Нечай... Я добра тебе хочу. Здоровья и силы прибавлю, сколько сумею, раз уж тропки наши вместе сошлись.

– О самой-то кто похлопочет? Втемяшились в голову колдовкины уроки. Будто нельзя без них обойтись.

– После поговорим. Там видно будет.

Глава 7

Кузька

Двор усмаря был широк и не прибран, горбыль в ограде покосился, а кое-где доски разошлись на потеху язвительным соседям. Под навесом дальше от дома мокли в чанах с известью коровьи кожи, на столе ждал работы раскрой на сапог, рядом сушились на дровах застиранные полотенца да синие мужские порты.

У крыльца стояла палка с деревянной лошадиной головкой, ко второй палке было раскрашенное колесико приделано, а на третью насажен петушок с облупившейся краской на грешке и бородачке. Только давно игрушками никто не тешился, прилипла к колесу глина с пучком соломы, так и примерзла.

Грубой матерчатой занавеской просторная изба Шатуна была поделена на две части. В кухонном закутке из пузатой бочки пахло доходившей брагой, а в горенке старыми овчинами да травяными вениками, развешанными у самого потолка.

Печь с закопченными изразцами уже остыла, пустые чугуны от мала до велика сиротливо сгрудились на полу рядом с разбросанными полешками. Нечай прежде не видал такого разора в доме, похоже, хозяин руки опустил, схоронив жену.

Нелада осуждающе покачала головой и поджала губы. Да что спросить со вдовца, оставшегося с малолетним сынишкой?

За давно не скобленным столом сидел худенький белоголовый мальчик восьми годов, ручонкой ловил из деревянной миски квашеную капусту в розоватом рассоле, заедал холодной печеной репой. На вошедших глянул неодобрительно.

– Торопко мой, – тихо пояснил Шатун. – Один у меня остался, девчоночки в болезни с матерью полегли.

– Ну, здрав будь, Торопко! – весело приветствовал Нечай.

Мальчик насупился и еле слышно ответил:

– Ныне зовусь Кузьмой.

А после и вовсе залез на лавку под овечий полушубок. Спрятался от холода и незваных гостей. Шатун, кряхтя, принялся растапливать печь, между делом рассказывал, как слуги князя Ядрея велели всему городскому люду приходить в каменную церкву на службу Новому богу. Иноземный волхв каждого мальчика наговорной водой кропил и новым именем нарекал.

– Понравилось тогда моему Торопке в белой церкви. Колокольца красиво звенят, пахнет приятно и Безбородый волхв поет ровно девица тоненьким голоском, а то вдруг заревет по-медвежьему. Чудно! Согласился сынок мой зваться Кузьмой, так и мне пришлось имя второе взять. Данилой нарекли, а знакомцы по-прежнему Шатуном кличут.

– Значит, вы своих старых богов живо сменили на пришлых... – поддела Нелада.

– Зачем же менять? – удивился Шатун, укладывая в корчагу куски свежей говядины. – Старые боги всегда рядом, не выдадут – не подведут, а и про Нового тоже послушать охота. Тем более князь с ним больно дружен стал. Недаром дочку свою любимую за Железного витязя выдает. Хочет сослать нашу голубку на чужую сторонку, а что делать? Такова доля девичья.

– Добрый кузнец сам себе долю скует, а хороший охотник выследит, – процедила Нелада.

– Так ведь то охотник и кузнец, а тут девка целиком в родительской власти. Уж как ни бойка нравом Отрада Ядреевна, а с нашим-то князюшкой не больно забалуешь.

Нелада фыркнула насмешливо, постояла еще у порога, подбоченясь, внимательно оглядела избу, а потом велела Нечаю садиться на лавку и занялась его раной. А как управилась, стала помогать по хозяйству, да так, будто самым Родом старшей в избе назначена.

– Дядька Шатун, а где у тебя мука? Почто худо хранишь, жучок заведется, надо бы пересыпать в чистый короб. Луковицу возьму из косы, а есть ли чеснок? Квашни не осталось старой? Кто тебе стряпает? Ладно, сама к соседке зайду. Эй, Торопко, сказки любишь? Иди отцу помогать, на ночь самую страшную тебе расскажу.

– Отстань, ворона! – сердито пропищали с лавки. – Ты, тятка, в избе ее с нами не оставляй, а то я от тебя в лес сбегу, стану с разбойниками жить.

Тут Нелада засмеялась в голос, правда, не слишком весело.

– Где уж тебе с кистенем-то стоять на большой дороге! Разве не сказали в каменной церкви, что Новобог завещал всех людей любить и творить добро.

– А тебе откуда ведомо, что Новобогу надо? – Кузька даже нос высунул, так любопытно стало.

– Сорока сболтала, – с недобрый смешком пояснила Нелада, – летом доходили до нашего селища два странника, собирали народ, читали книжицы свои, пугали небесными карами, а более того подземной огненной ямой.

– Вот и я того немножко боюсь, – печально вздохнул Кузька, решив поделиться заботой.

Нечай длинными ресницами хлопал да морщил лоб, о чужом боге ему было известно мало, а пугать мальчонку не следовало бы, и так в чем только душа держится. А ведунья тоже хороша, не успела войти, принялась руководить в чужом доме как хозяйка.

Только и то правда, что от ее звонкого голоса будто ожила черная изба, весело загудел в печи огонь, умильно затрещали половицы, даже тощая кошка выбралась из подпола, примостилась на лавку и начала серые лапки вылизывать, зазывая гостей.

Глядь, Нелада уже во дворе переговаривается с усмарем, спрашивает про свою лекарку, советует, как лучше сохранить мясо. Ну-ка, взялась готовые кожи рассматривать... за водой к колодцу пошла... И все-то у нее споро споро, с шуточками да смешками.

Шатун в затылке чешет, посматривая ей вслед. Огонь – девка, такая на месте не усидит и всех вокруг заставит вертеться, как веретенце в бойкой руке.

Нечай в окошко уставился, с досады губу закусил, а Кузька рядом сопит, припал к плечу, тонкую шею вытянул.

– Дяденька, а вы к нам надолго пришли?

– Да сколь отец твой позволит. Хочу при нем кожевному делу учиться, – неуверенно ответил Нечай, про себя же подумав, что серьезного разговора с хозяином у него пока не получилось.

– А это что ль невеста твоя? Не осердишься, если скажу? На вид чисто ворона, а голосочек хитрющий – лисий. Ух и заноза глазастая! Соврала, поди, что сказанья знает? Маменька мне на ночь всегда песни певала, только я, как хворать начал, слова позабыл. А что за пояс на тебе? На змеиную кожу похож, только теплый... Вот мы на реке летом ловили ужей. Они гадостно тиной пахнут и дюже скользкие.

Нечаю уж больно хотелось мальчика позабавить, оттого и сказал спроста:

– Пояс мой колдовской закваски, силу дает богатырскую. Одним пальцем могу здоровущего быка с ног свалить. Видал, какую тушу с волокуши сняли? Моя работа.

Кузьма глазенки растопырил, светлые волосики аж взмокли у лба.

– А ежели тягаться на кушачках – любого заборешь?

– Должно быть так, – рассеянно отвечал Нечай, приметив, что Нелада уже идет от ворот с ковригой хлеба, наверно, у соседей купила или сменяла на мясо.

Со двора раздавались глухие удары топора, Шатун умело отделил бычью голову, насадил на деревянный чурбак, сцеживая кровь. Под ногами скакала бурая собачонка – скулила жалобно, просила поживы, красный язык на бок свалился из раззявленной пасти, лохматые бока надувались и опадали.

Нечай поправил на себе одежду и пошел помогать усмарю, чего зря сидеть, ожидая угощения. Не за тем столько верст из родного селища шагал, чтобы на дерзких девчонок пялиться. Мужской работы полно.

После беспокойного дня знатно повечеряли. В теплой избе пахло чисто вымытым полом и упревшими щами. Нелада нашла на полатах расшитую льняную скатертку, с хозяйского позволения украсила стол. Шатун достал из погреба соленых огурчиков на смородиновом листе, нацедил ягодной браги. Ведунья попробовала пару глотков и похвалила, скоро отставив кружку.

Зато Кузька вдоволь напился ромашкового отвара и сразу отмяк душой. Милостиво позволил Неладе головушку себе расчесать и сменить рубашку, а после сговорился вместе с ней на печку забраться – сумерничать.

Догорала последняя лучина, Шатун уж тихо похрапывал в своем углу, а Нечаю не спалось, он нарочно тюфяк прислонил к жаркой печной боковине, тоже сказки слушал про Кузьму Скоробогатого, который над всякой лесной тварью силу имел, а потому большим богатством разжился.

По всему видать, примирился усмарев сынишка с ведуньей, после сказки поведал ей свои великие тайны про баранью лопатку, зарытую под сараем, и расписную глиняную свистульку, у которой носик обломился, а батюшке новую купить недосуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.